ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Г.Т. Титорева

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ УЛЬЧЕЙ (по материалам экспедиций)

Исследованиям традиционных и современных погребальных и поминальных ритуалов ульчей в разное время посвятили свои работы Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, А.М. Золотарев, А.В. Смоляк, Е.А. Гаер, С.В. Березницкий. Этнографические экспедиции сотрудников ХККМ им. Н.И. Гродекова в 1997–2005 гг. позволили получить новую информацию. В данной статье мы постарались осветить обряды, бытующие в настоящее время и зафиксированные нами во время экспедиций по национальным селам Ульчского района (Кольчом, Дуди, Ухта, Булава, Богородское), а также сохранившиеся в воспоминаниях очевидцев и участников. У ульчей, по сравнению с другими народами Приамурья, значительно более высока степень устойчивости и сохранности похоронно-поминальных обрядов, особенно на фоне других семейных обрядов (свадебных, родильных, промысловых). Многие традиции, зафиксированные исследователями конца XIX — XX в., бытуют и в наши дни почти без изменений.

Характер и форма захоронения и последующие поминальные обряды зависели от причины смерти, возраста умершего, его социального статуса. До начала XX в. захоронения были наземными. Тела умерших (в гробах или завернутыми в бересту) оставляли в специальных срубах. Такие срубы были родовыми; в дальнейшем, когда захоронения стали подземными, родовыми стали и кладбища. Детей до года, как и у дру-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

гих народов Приамурья, хоронили на деревьях (в дуплах, на ветках, на помостах). Родовые кладбища располагались недалеко от селения вниз по течению реки, чаще всего в расщелине между двумя горами в отдалении друг от друга. Сегодня такое местоположение погоста сохраняется только в дальних небольших селах, например в Кольчоме [ПМА 2005]. В ныне не существующем селе Койма, по сведениям его жителей, было четыре родовых кладбища и одно русское [ПМА; Черуль 2005]. В больших поселениях кладбище, как правило, было общим и для членов разных родов, и для людей разных национальностей.

В настоящее время похоронный обряд сохраняет традиционный сценарий, если хоронят старого человека или если процедуру организуют пожилые родственники. Представители молодого поколения хоронят «по-русски», однако в некоторых случаях старые ритуалы частично сохраняются и мирно сочетаются с новыми, привнесенными.

Традиционно сразу после смерти дом умершего обвязывают тонкой веревкой на высоте выше дверного проема. В специальной литературе этот факт трактуется как способ сохранения семьи [Гаер 1991: 109; Смоляк 1980: 182]. Несколько иное объяснение этой традиции дала Н.К. Ходжер: «Когда покойника выносят, он упирается, не хочет уходить, может и дом развалить» [ПМА; Ходжер 2005]. После выноса тела веревку обрывают и выбрасывают в сторону захода солнца [ПМА; Ходжер, Черуль 2005].

Гроб имел форму прямоугольного ящика большого размера, поскольку в него должно было поместиться значительное количество предметов, сопровождавших умершего человека, и закрывался на три засова [ПМА; Черуль 2005]. Руки покойнику укладывали вдоль тела. Независимо от времени года одевали его, как правило, в зимнюю одежду, «а то ночью будет приходить и жаловаться, что мерзнет» [ПМА; Ходжер 2005; Ходжер 1998]. Обувь обычно шили из ровдуги или меха морского зверя. Мужчин вместо обычного пояса подвязывали мелкой цепью, на которую крепили сумочку с кресалом и трутом, а женщин — поясом, плетенным из хлопчатобумажных нитей. Нижнюю одежду шили сразу после смерти человека вручную. Иногда хоронили в старой одежде, «в которой ходил при жизни» [ПМА; Дечули 2005]. В некоторых случаях женщин одевали в свадебный костюм. Голову облачали в шапку с пришитой на макушке пуговицей, к которой привязывали длинную нить, выходящую из могилы на поверхность земли. А.В. Смоляк отмечает, что в старые времена нить привязывали к косе умершего, но после изменения прически ее стали привязывать к головному убору [Смоляк 1980: 184]. На лобную часть шапки пришивали небольшой нефритовый

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

диск — «фонарь», который освещает путь умершему. Снаружи, на переднюю стенку гроба, в изголовье прибивали кусок китайского шелка. Он тоже должен был освещать, прокладывать легкую дорогу умершему в потусторонний мир [ПМА; Ходжер, 2005].

В гроб стелили ритуальную «постель», сшитую специально по размеру гроба: матрас с аппликацией в центре (*сэктэху*), одеяло (*пульта*), подушка (*тэрэпту*). Кроме этого, постилали парные отрезы разной ткани по 1,5 м длиной: один на матрас, под тело, другой — сверху. Состоятельные семьи укладывали по 15–20 пар ткани. Из них по дороге в подземный мир (*були*) покойник делал балаган на остановках [ПМА; Еюка 2005]. Лицо умершему закрывали пластиной (*дэрэгдасичаны*) из ткани, подбитой мехом (чаще белой тонкой овчиной). Мог использоваться мех соболя или лисы, но запрещался мех крупных таежных животных, медведя и морских зверей. Раньше мехом закрывали колени и подкладывали под локти покойника. «Путь в *були* тяжелый, иногда душе умершего приходится ползти» [ПМА; Ходжер 2005].

На грудь клали кусок китайского шелка (*тунгэдасичаны*). По сообщению Ф.К. Ходжер, похоронившего в 1949 г. своего отца Ходжер Чуринга, ему под спину подложили три серебряные монеты, между пальцами проложили щепки, чтобы «чужую душу не забрал». Шапка на нем была из меха рыси, а обувь — из кожи нерпы. В гроб положили не простое промысловое копье или его копию, а настоящее ритуальное, инкрустированное серебром и медью [Ходжер 1998].

И в наши дни ульчи кладут в гроб «все, что есть», вещи, которыми человек пользовался при жизни и которые могут пригодиться ему в загробной жизни. Женщинам — предметы рукоделия: сложенные в мешочек ножницы, нитки, иголки, мужчинам — топор, лук, копье, нож, сделанные в уменьшенном виде из старого металлического обруча, палку для езды на нартах в собачьей упряжке [ПМА; Ольчи, Черуль 2005], а также котелок, деньги, очки, если пользовался ими при жизни, крупу, зелень, муку. На одежде покойного разрезают карманы, чтобы не спрятал и не унес с собой душу детей. Всем умершим мужчинам протыкают мочку уха и вдевают серьгу. Через это отверстие они «пьют» воду. У женщин уши были проколоты при жизни.

Перед выносом тела все дети умершего человека, особенно не достигшие двадцати лет, по очереди берутся за нить, привязанную к руке покойного, и, не оглядываясь, выбегают из комнаты. В это время старейший рода разрывает нить ударом палки, обрывая, таким образом, связь умершего человека с живыми и защищая детей от возможного вреда духа покойного родственника. Когда похоронная процессия уходит на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

кладбище, два человека (один — из рода умершего, другой — посторонний) подметают пол в доме вениками из тальниковых веток. Первый метет к порогу, второй — от порога к середине комнаты. Затем собранный мусор выбрасывают в сторону захода солнца [ПМА; Ходжер, Хатхил 2005; Гаер 1974: 135].

На могилах ульчских родов нивхского происхождения (Дуван, Ангин, Дяксул) некоторые семьи устанавливают домики из брусочков дерева, подобные нивхским намогильным домикам *раф*, в которые помещают куклу из соломы [ПМА; Черуль 2005] или пепла, собранного после кремации и завернутого в тряпку в форме куклы [ПМА; Еюка 2005]. Обычно такие куклы *ккак* нивхи использовали в качестве вместилища духа умершего человека [Смоляк 1980: 185]. В день поминок куклу «угощают». Эта традиция является отражением нивхского компонента в этногенезе ульчей.

Значительно отличаются обряды, связанные с захоронением близнецов и их матери. Хоронили их отдельно, в стороне от основного родового кладбища, в наземном срубе. Мертвых усаживали в гробу кубической формы или сколоченном по форме сидящего тела [ПМА; Черуль, Хатхил 2005]. Все одежды шились только белого цвета, их запрещалось орнаментировать. На руки, ноги, шею привязывали стружки, ими обкладывали и тело.

При жизни к близнецам и женщине, их родившей, относились бережно. Детей не разрешалось ругать: «Обидится — умрет сразу» [ПМА; Еюка 2005]. Жизнь у близких людей в семье близнецов была нелегкой и сопровождалась многочисленными запретами и ограничениями. В частности, им нельзя было есть копченые продукты. У матери близнецов нельзя было брать серебряные или металлические предметы, например украшения, «чтобы не заразиться». Никто не хотел рожать двойняшек, «мучиться».

Считалось, что у близнецов «медвежья душа» [Смоляк 1980: 187], «близнецы медведям родственники» [ПМА; Черуль, Еюка 2005]. Видимо поэтому поза покойника повторяет положение сидящего медведя. Во время родов мужчины молятся медведю, чтобы они прошли успешно. Женщинам обращаться к медведю запрещалось. Во время похорон близнецов рядом с могилой и сегодня устанавливается «музыкальное» бревно, на котором палками выстукивают ритм все пришедшие на кладбище. Подобные сооружения зафиксированы нами в с. Кольчом. Такое бревно ульчи использовали только на медвежьем празднике. И это служит еще одним подтверждением тесной связи культа медведя с культом близнецов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

Особые обряды выполняются при захоронении людей, умерших не своей смертью, в частности утопленников [Гаер 1991: 135; Смоляк 1980: 186]. Найденное тело в настоящее время хоронят на краю кладбища, отдельно ото всех, ближе к воде. Раньше захоронение оставляли на берегу, там, где нашли тело, или в лугах, затопляемых водой [ПМА; Еюка, Дяксул 2005]. В предполагаемом месте трагедии родственники некоторое время плавали на лодках и сильно кричали. Женщинам находиться здесь категорически запрещалось: «Плохо им будет, и покойнику не нравится» [ПМА; Ходжер 2005]. Если тело не находят, то вместо него хоронят куклу, изготовленную из дерева или прутьев багульника, одетую в костюм утонувшего [ПМА 2005; Смоляк 1980: 187; Гаер 1991: 136]. Такие вотивные захоронения в ульчских селах встречаются и сегодня, но гораздо реже, чем прежде.

Хоронили утопленника в белых одеждах. Тело покрывали так же, как и у обычного человека. «У них в загробном мире все белое. И души умерших попадают в Белое море» [ПМА; Ходжер 2005]. На могиле по четырем ее углам ставили стружки, ими обкладывали и тело. Аллея из таких же веток со стружками соединяла могилу с водой. По этому коридору душа уходит в воду. Последние поминки по утонувшему совершались на несколько дней раньше положенного срока, чтобы запутать злых духов. Семья утопленника до последних поминок соблюдала многочисленные запреты.

Во время ледохода весной и осенью родственники по-прежнему отправляют на льдине «посылку» покойнику: пшено, черемшу, ягоду, сигареты. Н.К. Ходжер в течение многих лет отправляет такие посылки утонувшему сыну. Раньше — в берестяной чумашке, а сейчас просто заворачивает угощение в бумагу. Поскольку душу, а иногда и тело человека забрал хозяин воды *Тэму*, то эти продукты служат угощением скорее ему, чем умершему. Выбрав жертвой человека этого рода, *Тэму*, в свою очередь, в дальнейшем обеспечивает всех живых родственников-мужчин хорошим уловом. Таким образом, поминки по утопленнику совмещались с обрядом жертвоприношения и поклонения духу — хозяину воды. [ПМА; Ходжер, Хатхил 2005]. Однако люди никогда не берут вещи утопленника, боясь, что это несчастье может перейти на живых [Смоляк 1968: 162; 1980: 186; Гаер, 1991: 136]. До сих пор на ульчских могилах утопленников оставляют его лодку [ПМА, 2005].

Обряд поминовения усопшего совершался ульчами в течение одного года на исходе каждого лунного месяца, «на ущерб луны». Только детей поминали единожды, в день похорон, и больше к месту захоронения не приходили. *Пане* ульчи, в отличие от нанайцев, не изготавливали [ПМА;

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

Дяксул, Хатхил 2005]. Независимо от времени года (и зимой тоже) близкие шли на кладбище, разводили костер, готовили еду, угощали духа покойника, ели и сами. В последние годы поминальную еду стали готовить дома и приносить на кладбище готовой.

Общение с душой покойного происходит через устройство, которое сегодня называют «телефон». Оно представляет собой ветку дерева, укрепленную в изголовье могилы. К ней привязана нить, второй конец которой протянут в гроб и привязан к пуговице на макушке головного убора умершего. В основание этой ветки наливают воду и водку для покойника жестом от себя, на ветку вешают черемшу, ягоды в берестяной чумашке. Очень важно, чтобы ветка-«телефон» достояла до последних поминок. Иногда ветка приживалась, укоренялась и продолжала расти. Это было хорошим знаком. Рядом с веткой вкапывалась фигурная досочка *сукдухе* (*сугдуку*) сантиметров 20 высотой. В сквозное отверстие на ней вставляли зажженную трубку или папиросу: давали покойнику покурить [Смоляк 1980: 184; Березницкий 2003: 163]. Подобные намогильные сооружения нам довелось видеть в 2005 г. на кладбищах с. Кольчем, Ухта, в том числе и на свежих захоронениях [ПМА 2005].

Сразу после смерти человека родственники собирают в стареньком чемодане или ящике вещи для умершего: нижнее белье, платье, носки, брюки, а также понемногу разные крупы, соль, сахар, юколу, спички и пр. [ПМА 2005; Смоляк 1968: 160]. По сведениям А.В. Смоляк, эти чемоданы *amya* заменили шалаши, которые в старые времена сооружали возле могилы — там хранились вещи, необходимые душе умершего [Смоляк 1968: 160; 1980: 184]. Чемодан несли на кладбище в день поминок, там приоткрывали. Рядом обязательно ставили намоченную в воде сухую черемшу, чей запах особенно привлекал душу покойного, и по нему она находила принесенное угощение. Каждый месяц продукты в чемодане менялись, а старые сжигались на поминальном костре. Такой костер разжигался рядом с могилой на западной стороне в день похорон и ежемесячных поминок, в него бросали приготовленные угощения. На последних поминках в годовщину смерти на костер ставили большую берестяную чашу, наполненную различными продуктами, сверху бросали одежду покойного и чемодан *amya*. Эта чаша мыслилась как лодка, перевозящая дары людей в мир мертвых. После этих поминок родственники никогда больше не приходили на могилу. С восточной стороны могилы в заключение поминок разжигали «костер живых». Он не обязательно должен был иметь большое пламя, достаточно, чтобы только задымил [ПМА; Ходжер 2006].

Запрещалось приносить на кладбище и употреблять мясо крупных лесных животных (сохатого, изюбря), калуги и осетра, составляющих

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

основу традиционного рациона ульчей: «Это ведь наша жизнь» [ПМА, 2005]. Разрешалось готовить все обычные блюда, в том числе любую морскую рыбу.

Отличительной особенностью поминальных обрядов ульчей является содержание до последних поминок собаки или медведя, в которых помещается душа умершего человека [Смоляк 1980: 185]. Такую собаку-заместителя держала Ч.Т. Дечули (1924 г.р., с. Булава), похоронив свою мать, Соню Дуван. По словам Чимы Тимофеевны, собака жила в доме, спала на кровати мамы, ела за столом вместе с членами семьи, ее любили и баловали. Однако характер у таких собак всегда был агрессивным и злым. После последних поминок Чима Тимофеевна отдала собаку дальним родственникам матери [ПМА; Дечули 2005].

Если умершего человека очень любили, то последние поминки откладывали на 2–3 года. Собака или медведь все это время жили в семье. В старые времена содержать медведя как хранителя души умершего могли себе позволить, как правило, состоятельные семьи. Бедняки держали собак. В некоторых случаях, подержав некоторое время собаку, ее меняли на медведя. Последние поминки в семье, содержавшей медведя, совпадали по форме с медвежьим праздником, что свидетельствует о ярко выраженной тотемистической его основе и связи с культом предков.

Таким образом, материалы экспедиций позволяют констатировать устойчивость многих традиционных похоронно-погребальных обрядов ульчей и сохранение их в современной культуре. Они существуют одновременно с заимствованной русской обрядностью. Нами зафиксированы детали, подробности ритуальных событий, не отраженные в литературных источниках. Некоторые из этих сведений нуждаются в дальнейшем изучении и подтверждении: такие, например, как запрет на сжигание пера и пуха на поминках, прокладывание щепок между пальцами рук покойника, подкладывание монет под тело.

Информанты

Дечули Чима Тимофеевна. 1923 г.р., с. Булава Ульчского района.
Дяксул Дина Сергеевна. 1937 г.р., с. Кольчом Ульчского района.
Еюка Татьяна Михайловна. 1920 г.р., с. Булава Ульчского района.
Черуль Петр Сондорович. 1934 г.р., с. Монгол Ульчского района.
Ольчи Леонид Константинович. 1953 г.р., с. Дуди Ульчского района.
Ходжер Нина Константиновна. 1927 г.р., с. Булава Ульчского района.
Хатхил Альбина Алексеевна. 1932 г.р., с. Кольчом Ульчского района.
Ходжер Федор Константинович. 1930–2005 гг. с. Ухта Ульчского района.
Ходжер Анатолий Федорович. 1965 г.р., г. Тамбов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН

Библиография

Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток, 2003.

Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев. Хабаровск, 1991.

Гаер Е.А. Погребальные обряды народов Нижнего Амура //Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Владивосток, 1974. Вып. 2.

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей в конце X–XI веках (по материалам грунтовых могильников): Автореф. дис. … к.и.н. Новосибирск, 1975.

Смоляк А.В. Погребальные и поминальные обряды у народов Нижнего Амура и проблемы преодоления религиозных пережитков // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становление новых обычаев и традиций. Улан-Удэ, 1968. Вып. 1.

Смоляк А.В. Похоронная обрядность. Ульчи // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.

А.А. Сирина

К ВОПРОСУ О «СОПРОВОДИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЕ» В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ У ЭВЕНКОВ И ЭВЕНОВ

Данная статья — попытка осмыслить одну из характерных черт погребального обряда эвенков и эвенов — наличие «сопроводительной жертвы» [Туголуков 1980: 176]. Этот термин утвердился в научной этнографической литературе в отношении повсеместно распространенного в прошлом и сохраняющегося до сего дня среди охотников-оленеводов и части поселковых жителей обычая забивать оленей, принадлежавших умершему человеку, на его похоронах. Нужно иметь в виду, что в этот день фактически происходит два разных по своим целям забоя. Первый — для поминальной трапезы. Второй — забой личных оленей/оленя покойного с целью отправки в иной мир со своим хозяином. Именно о последнем и пойдет речь.

Самими участниками обряда эти олени считаются не «сопроводительной жертвой», а средством передвижения: они должны доставить душу покойного в иной мир и там служить своему хозяину.

Специально забивали верхового оленя покойного — *учака*, «чтоб пешком не ходил. С оленями уходят, на ездовых, вот которых забивают им. Им клейма делают на ушах, <…> потому что, мол, когда он придет туда, к себе к… людям, если без клейма олень, на котором он приехал, то отберут оленей» [гижигинск., ПМА 1997]. На вопрос, за-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-161-9/
© МАЭ РАН